

Эл Лекс

СТРЕЛОМАНТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эл Лекс

Стреломант. Том 4

<https://litres.ru/73905771>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то я был лучшим наемным убийцей своего мира.

Когда-то я был хилым подростком, который боялся даже собственного отца.

Когда-то я был единственным в этом мире повелителем времени.

Когда-то я был стреломантом.

Кем я был когда-то - неважно.

Важно, чем я стану, пройдя через все то, что мне уготовило будущее.

Одно я знаю - это будет что-то прекрасное.

Содержание

Глава 1. Металломант	4
Глава 2. Какой-то план	16
Глава 3. Особое предложение	30
Глава 4. Хитрый план	44
Глава 5. Беседы у костра	56
Глава 6. Под землей и над землей	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Эл Лекс

Стреломант. Том 4

Глава 1. Металломант

Чтобы добраться до источника голоса, нам понадобилось минуты две, не меньше. Сначала пришлось перебраться через ручей, а потом оказалось, что идущая от бревна тропинка идет в совершенно другую сторону, и продрасться прямо через чащу будет быстрее, чем искать обходной путь.

Но продираться при этом было нельзя. Надо было быть тихими, и максимально незаметными, чтобы не выдать себя ни единым шорохом или даже лишним движением. Ведь если там звучит знакомый мне голос, кому бы он ни принадлежал, и этот голос требует от кого-то убрать руки, то этот кто-то явно не друг ни обладательнице голоса, ни, соответственно, нам. А значит, это скорее всего солдаты, или и того хуже — Иллюзионисты.

Ни в том ни в другом случае спалиться и выдать наше местоположение не хотелось бы.

Поэтому по буеракам мы пробирались аккуратно, не прыгая по поваленным деревьям, а аккуратно перелезая через них на задницах, особенно с моей больной ногой. Не продираясь через кусты, заслонив лица локтями, а аккуратно про-

сачиваясь, отодвигая ветки руками.

Поэтому, когда мы наконец добрались до источника шума, диалог накалился до такой степени, что в него вступил еще один участник:

— Прекрати дергаться! Себе же хуже делаешь! Нам еще через лес возвращаться, а ты из сил выбиваешься! Или ты думаешь, что я тебя на руках потащу?! Ни хрена подобного!

И второй голос я узнал тоже.

Это был Широ.

А первый — Амина.

И они явно что-то не поделили.

Как они вообще тут оказались?!

Я поймал изумленный взгляд Ники, которая, кажется, тоже узнала голоса, или, как минимум, один из них и поднес палец к губам, показывая — тихо, мол.

Ника кивнула, хотя, судя по ее изумленным глазам, она все равно не смогла бы вымолвить ни слова.

Прикинув к дереву и слившись с ним в единый силуэт, я осторожно выглянул лишь одним только глазом.

На крошечной полянке, даже, скорее, просто пяточке, что не зарос деревьями лишь каким-то чудом, действительно стояли Амина и Широ. Широ был потрепан и зол, часть волос у него на голове обгорела, как и одежда, помимо этого еще и местами превратившаяся в натуральные лохмотья. Если не считать этого, металломант был здоров и даже обзавелся оружие — вокруг руки у него совершенно невероятным

(для простого, разумеется, человека) был браслетом свернут черный нож. Точно такой же, каким я атаковал Юлю, разби-
вая ее шлем.

Только вот на моем ноже не было крови.

Второй рукой, свободной от оружия, Широ пытался ухва-
тить за руку Амину, которая с недовольным лицом сопро-
тивлялась ему. Она отдергивала руки, отталкивала их и во-
обще всячески показывала, что не намерена идти туда, куда
Широ хочет ее отвести. Куда бы он ни хотел...

на лбу Амины краснела глубокая ссадина, а вся правая
рука была покрыта какой-то сажей, но явно не пострадала
— судя по тому, как ловко Ратко ею орудовала, отбиваясь
от назойливого Широ. Несмотря на то, что он парень, а она
— хрупкая тонкая девушка, она как-то умудрялась держать-
ся против него, и не сказать, чтобы ей это давалось тяжело.
Широ явно был не в лучшей форме, и его это злило:

— Прекрати выкобениваться! Там наши сражаются, воз-
можно, гибнут!

— Какие «наши»?! — завопила Амина, снова отбивая ру-
ки Широ и отступая на шаг назад. — Кто из них «наши»?!
Чьи «наши»?! Я же все видела, это вы устроили это побоище!
Конкретно ты устроил это побоище! Нахера ты пытаешься
втянуть в это еще и меня?!

— Ты же Ратко! — завопил Широ, наконец-то сделав
удачный рывок и ухватив Амину за руку. — Как ты можешь
быть в стороне от всего этого, вы же сами заварили всю эту

кашу с заговором! Ты что, за идиота меня держишь?! Мне мать все рассказала, я обо всем в курсе, я свой!

— Никакая я тебе не своя! — заорала во все горло Амина, и ударила сверху вниз свободным кулаком по руке Широ, сбивая ее. — Я понятия не имею ни о каком заговоре! И не хочу иметь никакого понятия! Отвали от меня!

Широ схватился за отбитую руку и отошел на шаг от Амины. Его глаза сощурились еще больше против обычного, как всегда, когда он думал какую-то очередную гадость.

— Плохо это. — процедил Широ. — Я надеялся на тебя. Ты, говорят, самая сильная со всего первого курса.

— И дальше что? — тоже сощурилась Амина.

Я снова бросил короткий взгляд на Нику, которая по-прежнему ничего не понимала, и потянул со спины лук.

Как раз я уже все успел понять.

Я удивлен не меньше Широ, но Амина, похоже, действительно не имеет отношения к заговору... Как бы невероятно это ни звучало!

— А ничего... — злобно ответил Широ, и нож на его руке внезапно развернулся и завис в воздухе. — Если ты не с нами, значит, против нас... Меня предупреждали, что такие предатели найдутся, и научили, что с вами делать.

— Ну попробуй. — усмехнулась Амина и подняла руки, засиявшие чистой фиолетовой праной.

Но прежде чем они что-то успели сделать, в воздухе прошуршала стрела, пронзая попавшиеся на пути листья, и вон-

зилась Широ в икроножную мышцу правой ноги.

Я специально стрелял из деревянного лука и карбоновой стрелой — кто знает, вдруг этот паскудник тоже предусмотрительно выставил защиту со спины? По его состоянию не скажешь, что он в состоянии сделать хоть что-то осмысленное, но рисковать я не мог. Защита Широ, если она была, легко могла бы если не полностью защитить его от прановой стрелы, или как минимум сильно смягчить ее удар, давая ему время на ответную реакцию. А в карбоновой стреле из металлического, — того, чем мог бы управлять Широ, — только наконечник и тот весит жалкую сотню гран. Слишком мало для того, чтобы он смог уверенно управлять таким весом или даже почувствовать его.

Так я думал, отпуская тетиву.

То ли я оказался прав, то ли Широ все же не заботился никакой защитой, но стрела без усилий пробила его ногу насквозь, выйдя с другой стороны.

Широ рухнул сразу на землю, даже не попытавшись подстраховаться — кажется, эта боль стала для него последней каплей. Нож, парящий в воздухе, кувыркнулся и вонзился в землю, а сам Ямаширо принялся кататься по земле, держась за простреленную ногу, зажмурившись и воя на весь лес:

— А-а-а, сука!.. Твою мать! Сука-а-а!..

Ника рядом ахнула, и открыла было рот, но я бросил ей лук, который она едва успела поймать, и, ничего не объясняя, побежал к Широ, насколько мне позволяла моя нога.

Амина, слышав, как я ломлюсь через кусты, резко развернулась в мою сторону и вскинула руки, с которых так и не согнала прану.

— Спокойно, свои! — закричал я, поднимая пустые руки.
— Это я, Серж!

— Серж?! — ахнула Амина. — Ты что тут... осторожно!
Что именно «осторожно» я не успел понять — нога запнулась обо что-то, и я покотился по траве. Неудачно сгруппировался, в перекате меня развернуло, и, несмотря на то, что я умудрился сбереечь раненую ногу, меня припечатало спиной и головой к дереву, из-за чего перед глазами не мгновение потемнело.

Когда я слегка утряс плывущее сознание и снова обрел способность видеть, первый взгляд я бросил на то, обо что споткнулся.

Это оказался солдат, один из тех, кто проводил операцию. С пустой винтовкой, зажатой в откинутой в сторону руке, и магазином, за который он продолжал держаться даже сейчас, во второй руке. Ножны на бедре были пусты.

Судя по тому, что солдат никак не отреагировал на то, что на него наступили — либо мертвый, либо без сознания. Сомневаюсь, что он просто так за спасибо отдал бы Широ свой нож, так что первый вариант вероятнее.

Я перевел взгляд на Широ, который по-прежнему лежал на спине, но уже не катался и не вопил, а только держался за ногу и тяжело и быстро дышал, зажмурившись.

Я попытался встать, но в голове все снова крутнулось и помутилось после удара. Пришлось доползти до Широ на четвереньках, сесть у него возле головы, протянуть руки, подтянуть паскудника на себя, чтобы не дотянулся до своего ножа. После этого я положил левую ладонь на правый локоть, а правую — на левый, расположив шею Широ между предплечьями и закрыв тем самым удушающий захват «мотылек».

Широ дернулся, булькнул, отпустил свою ногу и вцепился в мою руку. Заскреб пальцами, пытаясь выцарапать себе немного воздуха, но у него не хватило сил даже толком ухватиться, и он лишь мог беспомощно царапать меня ногтями.

Даже если бы он откуда-то знал, как избавиться от этого захвата без привлечения подручных средств или оружия, а лично я таких способов не знаю, он вряд ли смог бы это провернуть. Слишком ослаб от боли.

Когда я досчитал до шести, Широ затих и перестал двигаться. Когда я досчитал до семи, я ослабил захват и позволил безвольному телу Широ выпасть из моих рук. Столкнул его с ног и со второй попытки медленно встал.

— Ты убил его?! — ужаснулась Амина. — Ты что, правда убил его?!

Я поморщился:

— Не убил я его. Только отключил... Ненадолго.

— На сколько?!

— Не знаю, на полчаса. — я пожал плечами.

— А стрелял тоже ты?!

— Тоже я. У меня не получилось бы к нему подкрасться незамеченным. Не за что.

— В смысле? — не поняла Амина.

— Когда тебя спасают, принято говорить спасибо. — пояснила Ника, подходя к нам и протягивая мне лук. — Я уж думала, ты его действительно решил убить.

— Стоило бы. — ответил я, кивая на труп солдата. — Это же он его убил?

— Думаю, что да. — Амина тоже посмотрела на тело и закусила губу. — Когда я сюда пришла, он уже был мертв, а Широ стоял над ним и игрался с ножом. И улыбался так... Мерзко. Увидел меня, обрадовался... И давай приставать со своим заговором! За руки хватал, пытался тащить куда-то... А вы тут как оказались?!

— Думаю, что так же, как и ты. — ответил я, выдергивая из ноги Широ стрелу и вытирая об его же одежду. — Пытались скрыться от солдат. Ты кого-нибудь еще видела?

— Я видела бабу... Поду Ратко, ее уводили солдаты. Видела поду Белову, тоже здесь, в лесу, и с ней еще кого-то. Хотела к ним подойти, но тут услышала стрельбу в лесу и пошла сюда. Думала, вдруг тут кто-то из наших... В смысле, кто-то, кому нужна помощь. А тут...

И она снова посмотрела на тело солдата.

Что ж, как минимум Чел умудрилась спастись, судя по всему. Это уже неплохие новости, пусть даже шансы встретиться с ней у нас примерно нулевые.

Наверняка кто-то еще выбрался из академии. Совершенно очевидно, что в управлении не предполагали такого мощного и слаженного отпора, какой дали заговорщики, и поэтому много кто умудрился сбежать из оцепления, которое было связано боями. Да, управление прислало сюда Иллюзионистов, и, через время все те, кто не сбежал, действительно будут либо уничтожены, либо схвачены, но это то время, каждую секунду которого ни в чем не виновные студенты и преподаватели оказывались все дальше и дальше от академии.

По крайней мере, в это хотелось верить. Хотелось верить, что у всех этих заговорщиков мозги промыты достаточно качественно для того, чтобы все они сейчас были на передовой, сражаясь с войсками людей. Что среди них не найдется малодушных дезертиров, которые снова растворились в небольших кучках нормальных реадизайнеров, чтобы выставить напоказ свою гнилую натуру позже, в безопасной обстановке.

Хотелось верить...

— Значит, ты сама не в курсе, что происходит? — внезапно спросила Ника у Амины.

— Понятия не имею! — так ярко, что даже сомнения не возникло в ее честности, ответила Амина. — Я была у бабу... У поды Ратко, мы пили чай, и тут в дверь постучали, она пошла открывать, потом короткий разговор, я даже не видела с кем, а потом — раз, и я уже снаружи административного блока, на самом козырьке второго этажа! Даже не знаю, как

там очутилась, бабушка что ли телепортировала?! Не знаю! Видела, как ее выводят из блока, видела, как выводят других преподавателей... Люди с оружием, вот такие же вот!

Она снова кивнула на солдата.

— И что, все шли спокойно? — уточнил я.

Амина на секунду задумалась, а потом кивнула:

— Ну да. Просто шли. По своей воле. Я дождалась, когда все уйдут, и потом вспомнила про левитацию. Кое-как спустилась с козырька, и побежала в лес.

— Почему в лес?

— А куда еще? — удивленно посмотрела на меня Амина.

— В общежитие, например. — я пожал плечами.

— А я и пошла. — Амина пожалала плечами тоже. — Только по пути начали стрелять, а еще вокруг кто-то начал реадизить... И тогда я испугалась и побежала в лес.

Что ж, логичная реакция — бежать оттуда, где стреляют туда, где не стреляют. Тут все понятно.

Непонятно другое. Почему преподаватели шли с солдатами спокойно и по своей воле? Неужели среди них нет ни одного заговорщика? Поверить в это было решительно невозможно, и, к сожалению, на ум просился совершенно другой вывод.

Преподаватели, в отличие от студентов — обученные и подготовленные реадизайнеры. Они позволили увести себя в одно место, где, объединившись, напали на свое охранение, которое наверняка хотя бы частично да утратило бдитель-

ность, уверенные, что самое сложное позади. И, если студенты брали лишь числом, да и то едва-едва, то слаженная атака нескольких взрослых и сильных реадизайнеров могла разом уничтожить не один десяток солдат.

Хотел бы я посмотреть на их рожи, когда по их душу придет парочка быстрых как стрелы Иллюзионистов, когда они поймут, что их хваленый реадиз просто-напросто ничего их не делает.

Хотел бы, но не не суждено. И хрен с ним. Сейчас цель все та же — оказаться подальше отсюда.

— А вы, вы в курсе, что происходит? — не отставала Амина. — Что за заговор, почему сражаются, что происходит?!

— В курсе. — ответил я. — Но сейчас об этом говорить не следует. Идем с нами, поговорим по пути.

— А куда идем? — подозрительно покосилась Амина. — Вернее, куда идете вы? Я не уверена, что мне есть смысл идти с вами.

— Не хочешь, не иди. — я кивнул в сторону зданий академии. — Только там жара закончится не скоро. А мы планируем свалить от нее как можно дальше, и в идеале — переждать ее. Пока все не утихнет.

— Тогда я с вами. — кивнула Амина. — Такой расклад мне нравится. Только вот что делать с ним?

И она кивнула на Широ, бездыханной куклой валяющегося под ногами.

Я посмотрел на него тоже.

Старый я наверняка прикончил бы его. Это самое просто что можно было бы сделать.

Но это даже слишком просто. Особенно когда прямо здесь же лежит вариант намного хуже для самого Широ. Вариант, который сулит ему то, чего он боялся больше всего и чего он больше всего не хотел. То, против чего пытался воевать.

— Я знаю, что делать.

Мне пришлось несколько раз перевернуть мертвого солдата с боку на бок, пока я не нашел то, что искал — трубку ярко-красного цвета, закрытую сверху плотным колпачком. Точно такую же, какую отбросил раненый мною солдат возле общежития после того, как выпустил из нее красную ракету.

Правда, что с ней делать, я не знал, а никакой инструкции на ракете не было. На помощь неожиданно пришла Амина, которая без слов поняла, что нужно сделать, отобрала у меня ракету, сорвала колпачок, перевернула трубку, и резко повернула ее нижнюю часть, словно шею курице сворачивала.

Трубка хлопнула, и из нее вверх вырвалась ярко-красная вспышка, оставляющая за собой хвост красного прозрачного дыма.

— Ты же этого хотел, да? — посмотрела на меня Амина.

— Именно. — ответил я, глядя на ракету. — Спасибо. А теперь бежим.

— Куда?

— Куда угодно. Но быстро. Очень быстро.

Глава 2. Какой-то план

Прежде чем свалить глубже в лес, я все же потратил лишнюю минуту и сделал две вещи. Первая — вытащил из земли оброненный Широ нож и вытер его об его же одежду, как стрелу до этого. Вторая — срезал с бедра солдата ножны, потому что искать, как их снять штатным путем, времени уже не оставалось, а таскать острый клинок без защиты совершенно не хотелось.

После этого мы углубились в лес, оставив за спиной и академию, и Широ, и мертвого солдата. Амина и Ника попеременно поглядывали на меня, будто собираясь что-то спросить, но так и не решались.

Хотя и без вопросов я прекрасно понимал, что они хотят спросить. Они хотят спросить, какой у меня план.

А с планом была беда.

Сначала я думал, что мы сможем через лес выбраться из академии, и, пройдя через кольцо пустоты, добраться до какого-нибудь города. Этот план изобиловал дырами и моментами, которые неплохо было бы прояснить, в противном случае они могли бы плохо закончиться, но шансы на успех были. Выживать в лесу я умел, это не так уж и сложно. Двигаться по лесу — тоже, и даже Ника была не такой уж сильной помехой в этом. За день можно было легко разменивать несколько десятков километров, охотясь по пути при помо-

щи лука, благо зверье вокруг водилось, если верить изредка попадающимся следам на земле. Да, один я шел бы быстрее, но это даже не обсуждается. С ней все равно можно было бы поддерживать приличную скорость — явно более высокую, чем у солдат, которые прочесывали бы лес на предмет сбежавших туда студентов. А то, что они будут его прочесывать — это абсолютная истина. Они как минимум точно видели, что в лес много кто сбежал, и, коль скоро их задача отловить и вывезти из академии максимум реадизайнеров, то и до леса они доберутся тоже. Просто чуть позже.

Если, конечно, они все не полегли во время боя в академии...

В любом случае, мы могли бы уйти от преследования вдвоем.

Но не втроем.

Если Ника худо-бедно наловчилась правильно ступать по лесной подстилке и пробираться сквозь лесные кустарники, просто понаблюдав за мной какие-то полчаса, то Амина в чаще была натуральной коровой. Мало того, что она спотыкалась обо все попадающиеся на пути корни, получала по лицу всеми возможными ветками и проваливалась во все возможные ямки и норки, так она еще и в одежде была совершенно неподходящей. На ней была белая рубашка-поло с короткими рукавами, и белые же шорты по колено, дополненные сандалиями с такой тонкой подошвой, что ее, по виду, можно было двумя пальцами порвать. Разумеется, это все не

добавляло комфорта передвижения, и уже через пять минут руки и ноги Амины были покрыты ссадинами, и царапинами.

О скорости передвижения и говорить не было смысла — она была критически низкой. Казалось бы, из-за моей больной ноги я должен быть самым медленным членом группы, но Амина била все рекорды медлительности. К счастью, сейчас не было никаких признаков погони, и оставалось надеяться, что хотя бы к завтрашнему дню Амина научится ходить хоть сколько-то быстро.

Вариант бросить ее я, конечно же, не рассматривал. Как минимум — взяв ее с собой, я, в общем-то, взял на себя ответственность за нее. Как максимум — сохранив ее жизнь, я имею весьма неплохие шансы получить своего человека не только в рядах управления ноль, но и в клане Ратко. Сейчас я зажат между ними, как между двумя стенами пламени, перекрывающими узкий коридор, но Юля и Амина вполне могут стать моими личными огнетушителями.

Поэтому я решил, помимо прочего, помочь Амине хотя бы с ее обувью.

Прановые стрелы, если рассматривать их в качестве приспособления для охоты, ничем не отличались от карбоновых. Разве что ими можно было выстрелить из пранового лука мгновенно, не тратя времени на приведение его в боевую готовность. Этим я и воспользовался, подстрелив вылетевшего из-под ног ошалевшего зайца прямо в прыжке.

К счастью, я вовремя спохватился и в последний момент переделал стрелу, заменив на ней наконечник на тупой набалдашник. Если бы не это, острый боевой трайидент просто прошил бы маленькую тушку зайца насквозь, заодно порвав ему все внутренности и сделав мясо совершенно несъедобным. Я не был уверен, что у меня получится, но получилось, и стрела послушно обзавелась тупым шокером, направленным на то, чтобы сломать животному кости, оставив его в живых, но лишит возможности двигаться.

Но даже с таким изменением стрела все равно повела себя не так, как я ожидал. То ли прановый лук придавал стрелам какое-то невероятное ускорение, несмотря на то, что я совершенно не напрягался, натягивая его, то ли дело было в самих стрелах, но стрелы из праны явно летели намного быстрее, чем я привык — в два, если не в три раза. Я заметил это еще тогда, когда они пробивали навывлет даргов при обороне Винозаводска, но тогда было не до того, чтобы анализировать это. Отложил в памяти на потом, а потом как-то и времени не выдалось подумать.

Сегодня не стало исключением. Хоть и с тупым наконечником, стрела ударила в зайца и не просто сбила его с траектории прыжка, как должна была, а буквально отшвырнула прочь, словно его грузовиком сбило!

Косой ударился об дерево, и сполз по нему вялой тряпочкой, оставляя на коре кровавый след. Если он не умер от мощного удара стрелой, то точно отдал душу от этого. Мо-

жет, оно так даже и лучше. Иначе он бы мучился в ожидании, когда я перережу ему глотку, а тут умер сразу и быстро.

Заниматься зайцем прямо сейчас я не стал, просто подрезал горло и пошел дальше, держа зайца за задние лапы и позволяя крови свободно стекать на землю.

Амина, увидев это, резко побледнела и немного сдвинулась в сторону, чтобы не идти прямо по моим следам.

Где-то через полчаса я решил сделать привал. Амина уже едва перебирала ногами, поминутно спотыкаясь, да и Ника устала и начала поглядывать на меня с надеждой в глазах. Они не жаловались и ничего не говорили вообще, но и без слов было все понятно.

Я нашел место, где из кучки камней понемногу сочилась чистая прозрачная вода, и решил остановиться прямо тут. По примерным прикидкам мы отошли от академии километров на пять, и это был весьма неплохой результат. Но завтра надо уйти еще дальше. А для этого в первую очередь надо подкрепиться.

Хорошо хоть что мы успели пообедать, прежде чем началась вся эта вакханалия. Бегать, прыгать и драться на голодный желудок было бы намного сложнее.

Но сейчас голод уже накатил по-новой. Пока еще только проклевывающийся, едва заметный, вскорости он грозился стать настоящей проблемой. К счастью, ее решением я озаботился уже давно.

Найдя среди камней крошечный осколок кремня, я велел

девушкам найти такой же, только побольше, а сам занялся разделкой зайца прямо на траве. Сполоснул нож в роднике, выпотрошил зверя, надрезал кожу на лапах по кругу, и снял ее практически одним куском. Голову и внутренности отложил в сторону, и занялся оставшимся на костях мясом.

Потыкав ножом в землю возле родника, я нашел то, что мне было нужно — на клинке осталась полоса липкой глины. Тем же ножом, а потом — руками, — накопав ее, я обмазал зайца снаружи и оставил немного обсохнуть.

К тому времени вернулись девушки. Ника принесла какой-то простой камень, с виду действительно похожий на кремь, а вот Амина нашла то, что надо. Поблагодарив ее, я взял заранее подмеченную сухую ветку и ножом споро нарубил из нее тонкой щепы на растопку. Сложив ее шалашиком на круглом пяточке, освобожденном от травы, я перевернул нож обухом вверх и несколько раз ударил по нему вскользь кремнем. Сперва — снимая краску, а потом — высекая искры.

С третьей попытки щепки загорелись, я отложил импровизированное огниво и принялся подкладывать тонкие веточки, не давая пламени затухнуть.

Девушки сели рядом и во все глаза смотрели на то, что я делаю, открыв рты — как будто я тут фокусы показываю, параллельно с жонглированием бензопилами. Ну да, им в городах такие вещи не показывали и уж тем более не учили.

А я как дурак опять демонстрирую, что знаю и умею на-

много больше, чем мне следовало бы в моем возрасте и положении в обществе. Но делать нечего, голод, как говорится, не тетка. Есть захочешь — не так раскорячишься.

А вопросы... Я же не обещал, что буду на них отвечать.

Я соорудил костер с расчетом на то, чтобы он прогорел как можно быстрее, оставив после себя лишь жаркие угли. В них я и запихнул обмазанного глиной зайца, присыпав еще и сверху для надежности.

Амина, до того зябко ежившаяся и не решавшаяся подойти близко к огню, подсела ближе и протянула руки к углям, согревая их. Глядя на нее, я вспомнил, что собирался сделать, и снова взял в руки содранную шкуру зайца и взял в руки нож.

Конечно, таким скудным набором инструментов я бы не смог сделать ничего толкового, но хотя бы как-то облегчить мучения Амины и заодно увеличить нашу общую скорость передвижения возможность имел. С проделыванием дырок, конечно, возникнут трудности, но на крайний случай можно палочку заточить ножом и воспользоваться ею, это точно не причина откладывать задуманное. Поэтому я разрезал шкуру на две половины, которым придавал форму условных прямоугольников, безжалостно отрезая куски и швыряя их прямо в кучу с внутренностями и головой зайца — все равно потом закапывать, чтобы хищников не привлекли. Хотя это во мне старые привычки говорят, тут не случится ничего страшного, даже если привлекут — при помощи реадиза

можно защититься от чего угодно.

Кстати, о реадизе... Если я смог изменить наконечник стрелы одним лишь усилением воли... Почему бы мне не попробовать создать что-то еще?

Спустя мгновение из моего левого пальца уже торчала длинная и тонкая игла, сотканная из праны — точно такая, как мне была нужна. Нисколько не удивившись этому, я спокойно натывал в шкурах дырок, после чего рассеял иглу и позвал к себе Амину. Девушка удивленно посмотрела на меня, но подошла и встала ногами на шкурки, прямо в своих нелепых босоножках.

Я вытащил из своих кроссовок шнурки, и, продев их в дырки в шкурках, затянул их, соорудив тем самым простейшие мокасины мехом внутрь. По-хорошему, следовало бы, конечно, делать мехом наружу, но шкуры не были даже толком вычищены от волокон мяса и жира по причине отсутствия подходящего инструмента. Если носить ими внутрь, это точно не прибавит нам скорости.

Когда я закончил, Амина удивленно посмотрела на меня, потом на получившуюся обувь, и снова на меня:

— Это... Зачем?

— Медленно идешь, ноги сбиваешь. — терпеливо объяснил я. — Это тебе поможет... На какое-то время.

— С... Спасибо. — Амина отвела взгляд. — Я... Это...

— Не за что. — ответил я, прерывая разговор и освобождая ее от необходимости что-то говорить. — Еда готова.

Ника, все это наблюдавшая за мной сначала с недоумением, потом — с ноткой ревности, спросила:

— А как ты сам пойдешь без шнурков?

— Завтра отрежу тонкие полоски от рукавов. — я потряс руками. — Все равно они в лохмотья уже. Мне этого будет достаточно. Давайте есть.

Все тем же ножом я выкатил из костра кусок затвердевшей глины и принялся обстукивать рукоятку, откалывая ее здоровенными кусками. По поляне моментально поплыл дразнящий запах запеченного мяса, хотя я знал, что вкусу будет далеко до идеала — заяц был взрослый и мясо определенно будет с привкусом. Не говоря уже о том, что у нас нет ни соли, ни каких-либо еще специй.

Ну что ж, девушкам придется привыкать — в ближайшее время, хрен знает какое именно, ничего иного, кроме как довольствоваться такой едой, им не предстоит. Поэтому я наковырял, обжигая пальцы, мяса с костей, разложил его по импровизированным тарелкам из самых широких листьев, что нашел в округе, и мы принялись за еду.

— Какой... Странный вкус. — поморщилась Амина, и Ника согласно кивнула:

— Очень странный.

— Не нравится не ешьте. — хмыкнул я. — Но должен вас предупредить, что в ближайшие дни другой еды не предвидится.

— Ну что ж, — вздохнула Ника. — Потерпим, чего уж

там. Ты лучше скажи, что мы будем делать дальше?

— Выбираться. — я пожал плечами. — В минимальном варианте нам надо выбраться за пределы зоны, в которой не работают телефоны, и попытаться связаться хоть с кем-то из своих.

— У меня нет телефона. — виновато проговорила Амина. — Он у бабушки остался.

— У меня есть. — я махнул рукой. — Он вроде уцелел во всем этом балагане.

— У меня тоже. — кивнула Ника. — Так что если мы действительно выберемся, позвонить будет откуда... А если не выберемся?

— Тогда придется выбираться из кольца пустоты. — я пожал плечами. — И думать, как добраться до ближайшего населенного пункта.

— С ума сошел? — печально улыбнулась Ника. — Ты хоть представляешь себе...

— Не представляю. — перебил я ее. — Вообще не представляю. Ни в какой стороне ближайший, ни сколько до него идти. Так же я не представляю, дойдем ли мы вообще. Не представляю, чем будем питаться, когда выйдем из леса, в котором я худо-бедно могу нас прокормить. Не представляю, что будем делать, если наткнемся на даргов. Я даже больше скажу — я не представляю, что произойдет, если я вернусь обратно в академию и сдамся управлению. Но проверять я не хочу. Однако вас я с собой не тащу. Я даже тебя с собой не

ташил. Вы сами пошли со мной. Если мой план вас не устраивает, то простите, другого у меня нет и вряд ли появится. Вернуться в академию вы легко сможете, да, впрочем, вы можете просто остаться на месте и со временем вас найдут.

— А ты уверен, что нас не найдут и без этого? — Ника усмехнулась. — Костер разве не выдаст наше местоположение?

— Не выдаст. — я покачал головой. — Я специально собрал костер из сухих веток, чтобы он прогорел максимально быстро, чтобы уменьшить возможность, что нас найдут. А на ночь я подложу в него наоборот сырых веток, которые будут долго набирать температуру и дольше превращаться в угли, которые будут нас греть.

— Разве мокрые ветки не дадут много дыма? — подала голос Амина.

— Дадут. — я повернул голову к ней. — Но зато не будет открытого пламени. Погода сейчас безветренная, поэтому дым будет уносить вверх, а не в стороны и его смогут почувствовать только те, кто и так окажется недалеко от нас. А солдаты до леса доберутся не скоро, им бы с академией разобраться.

— Да, там у них работы полно. — вздохнула Ника и отложила свой опустевший лист. — Спасибо, Серж. Правда, спасибо. И я не уйду, не надейся. Мы с тобой отбили Винозаводск от даргов, вытащили АГАТ, и прошли через еще кучу событий, из которых не должны были выйти живыми. Мо-

жет, и в этот раз пронесет.

Я улыбнулся Нике и перевел взгляд на Амину.

Она не смотрела на меня и только угрюмо ковырялась пальцами в своем мясе, явно не решаясь ни поддержать Нику, ни сказать что-то против.

— Амина? — тихо позвал я.

— Я... — Амина шмыгнула носом. — Можно я завтра отведу?

Да, сломалась девочка. Сначала солдаты, потом ополоумевший Широ, потом долгий кросс по пересеченной местности, невкусная еда, болящие ноги, холодные ночи... А впереди — еще неизвестно сколько дней, которые, скорее всего, пройдут точно так же. Будь я на ее месте, я бы тоже крепко задумался — не проще ли сдать управление?

— Конечно, можно. — ободряюще улыбнулся я. — Я тебя не торо...

Я не договорил. Мало того — я вскинул руку, призывая девушек не издавать ни звука тоже.

Я прислушался.

Где-то рядом хрустнула ветка. Хрустнула едва слышно, будто кто-то переступил с ноги на ногу, устав стоять в неудобной позе.

За нами кто-то наблюдал.

Если не налетели сразу, с воплями и выстрелами, то вряд ли это солдаты. Может быть, это кто-то из студентов академии? А не подходят потому что не могут понять, кем явля-

емся мы.

— Выходите! — крикнул я во тьму. — Я вас слышу!

Ветки снова хрустнули, но уже немного иначе — это явно был другой человек. Значит их как минимум двое.

— Выходите! — повторил я. — Не заставляйте идти и вытаскивать вас силой! Мы не причиним вам вреда!

Из чащи донесся тихий вздох, а потом неуверенный голос спросил:

— С... Серж? С... Стало быть...

Я не поверил своим ушам:

— Чел?!

Она слегка помедлила и вышла из чащи, встав за пределами светового пятна от костра. Огонь едва-едва освещал ее, но все равно было видно, что одежда ее кое-где обгорела, а на правой руке по всему предплечью тянется длинный порез. Она стояла, отвернувшись, и держась одной рукой за локоть другой, словно отгораживаясь от нас.

— Чел. — позвал я. — Ты в порядке?

— Я... — тихо сказала Чел. — Я не одна.

— Ладно... — я развел руками, не торопясь приближаться к странно ведущей себя Беловой. — Пусть выходят все. Не съедем.

— Хорошо. — вздохнула Чел и махнула рукой, повернувшись туда, откуда минутой раньше вышла сама.

Послышалось шуршание листьев и треск ветвей и из чащи появились силуэты.

И я понял, что весь мой план, пусть дырявый и построенный на условностях и условиях, но все же хоть какой-то план, летит ко всем чертям.

Глава 3. Особое предложение

Следом за Чел из леса вышли еще семь человек разных полов и возрастов. Один взрослый, и, как ни удивительно, это оказался Драйз, живой и вроде даже невредимый, и семеро подростков — явно студентов, только не разобрать какого курса. Все грязные как черти, некоторые даже раненые, к счастью, все — легко. Сама тяжелая рана была у красивой рыжей девочки с веснушками, которую до этого я не видел — у нее под неправильным углом торчало запястье и она морщилась каждый раз, когда задевала им за что-нибудь. На лицо вывих, но это ничего, это поправимо.

А вот что не поправить — так это факт, что в таком составе мы совершенно точно никуда не сможем уйти. У нас и втроем-то шансов было не сильно много, а когда нас стало четверо больше, да один из нас весит за сто килограммов, этот план вовсе превращался в какую-то неудачную шутку.

Я хмуро оглядел новоприбывших, выстроившихся в шеренгу перед костром и неловко переминающихся с ноги на ноги. Ника почувствовала мой настрой и накрыла мою ладонь своею. Приятно, конечно, но проблемы это не решает.

— Чего встали? — наконец вздохнул я. — Замерзли, наверное, идите к огню поближе.

Чел переглянулась с Драйзом, кивнула и первая подошла к костру, села рядом, вытянув к огню руки. За ней несмело

последовали остальные, и через минуту все уже сидели вокруг костра.

Студенты смотрели на меня с опаской, Драйз — со своим вечным добродушным любопытством. Ладно хоть не накинулся сразу с вопросами, как он любит делать.

Чел смотрела на меня с благодарностью и тоже ничего не спрашивала. Кажется, они ждали первого слова от меня.

Я вздохнул:

— Ты. Как зовут?

Рыжая, в которую я ткнул пальцем, вздрогнула и перевела взгляд с огня на меня:

— Влада... Владилена.

— Иди сюда, Владилена. — я похлопал рукой по траве рядом с собой. — Руку твою починим.

— Правда? — обрадовалась она. — Ты... Вы сможете?

— Без проблем. Садись.

Владилена подползла поближе и села рядом со мной, с готовностью протянув руку. Я жестом попросил ее подождать, подобрал с земли веточку попрямее, в два взмаха ножом очистил ее от листьев и перерубил пополам. После этого взялся за рукав рубашки, располосованный по шву, натянул его, и, держа нож второй рукой, вырезал длинную полосу ткани. Подготовив все, что нужно для шины, я положил это рядом с собой и осторожно взялся за руку Влады:

— Я считаю до трех, потом вправляю. Приготовься. Раз. Два.

На «два» я резко дернул запястье Влады под правильным углом, и с громким щелчком сустав встал на место.

Глаза девушки резко расширились, а рот округлился в готовности закричать.

Я отпустил ее и руками зажал ей рот, чтобы она своим воплем не выдала наше местоположение. Влада громко замычала от боли, я большим пальцем прижал ее подбородок, чтобы она ненароком не прикусила мои пальцы, и держал до тех пор, пока она не замолкла и не перестала дергаться.

— Вот и все. — тихо произнес я, отпуская ее. — Уж прости, но это всегда больно.

Влада посмотрела на меня с ненавистью по взгляде и шмыгнула носом. Почесала его вправленной рукой и замерла, глядя на нее. Покрутил рукой, осмотрела ее со всех сторон:

— Почти не болит!

— Еще бы. — улыбнулся я. — Только все равно особенно не дергай ею, связки у тебя все еще повреждены и второй раз вывих заработать — проще простого. Сейчас я зафиксирую тебе руку шиной и с неделю тебе лучше походить с ней.

— Хорошо. — кивнула Влада и улыбнулась. — Спасибо. Серж, да?..

— Серж. — я кивнул. — Это Ника. А это Амина.

Остальные студенты представились тоже. Донни Уайт, Шарлотта Мартен, Ли Дон Йен и Маргарита Белова — одна из дальних младших сестер Чел. Само собой, она была аэро-

манткой, китаец Ли был гидромантом, Мартен представляла Линию Волн, а Уайт — клан повелителей пластика.

Учитывая все это, да еще плюс наличие рядом со мной Амины, которая по официальной версии не имела отношения к заговору, напрашивался необычный, но приятный вывод — если и существовали в мире кланы, все члены которых замешаны в творящихся нынче событиях, то их крайне мало. Я видел в бою против солдат управления и пластомантов, и флуктомантов, и гидромантов, но при этом представители этих Линий сейчас сидели рядом со мной и явно не потому, что они имеют отношение к заговору.

И не было даже никакой зависимости от сроков обучения — Уайт оказался с третьего курса, Дон Йен, младшая Белова и Влада, представлявшая клан лигномантов, управляющих деревом, со второго, а Мартен — с первого. Я даже смутно вспомнил ее на занятиях.

Получается, внутри каждого клана есть свой круг заговорщиков, которые действуют втайне от других членов семьи, ведь клан это семья. Возможно, есть кланы, которые целиком замешаны в заговоре, как и кланы, которые в полном составе не знают о нем вовсе, но в среднем получается так. С одной стороны, это означает, что против заговора, если дойдет дело до открытой войны, встанет примерно столько же реадизайнеров, сколько и за.

С другой стороны, это означает, что в рядах Беловых и даже Висла тоже могут оказаться заговорщики, и это серьезная

причина как следует задуматься о том, стоит ли обращаться к ним за помощью. Если здесь, в академии, заговорщики-студенты выдали себя сами, то преподаватели уже оказались умнее и как минимум не кинулись в атаку сразу. Что сейчас происходит в городах, какие операции и как проводятся — неизвестно. Всех реадизайнеров могут посадить как в камеры, так и под домашний арест. А могут просто отстранить их от управления инфраструктурой города, не ограничивая ни в чем другом. В любом случае, в городах до открытых противостояний дойти не должно, а, значит, заговорщики не показали свою натуру и по-прежнему скрываются в рядах кланов. В том числе и тех, на которые я до этого возлагал надежду.

Что ж, план рассыпался как карточный домик, который собирал пьяный шулер. Ничего страшного, это тоже нормально. Бывает и такое. Придумываем план, исполняем план, ждем, когда план пойдет к чертям, отбрасываем план.

Импровизируем.

Я туго замотал импровизированную шину на руке Влады и только потом сообразил, что, в общем-то мог этого и не делать — повелительница дерева сама легко могла заставить веточки зафиксировать ее руку. Но то ли она тоже до этого не додумалась, то ли у нее не было праны, то ли она полностью мне доверилась — но она не только этого не сделала, но даже не предложила. Только улыбнулась, когда я закончил, и снова сказала «Спасибо».

Но даже эта улыбка вышла у нее скорее печальной, чем действительно радостной. Ей стало легче, но не намного.

А остальным студентам даже настолько не было легче. Они сидели вокруг костра, как один, обхватив колени руками и неотрывно глядя в огонь. Их можно понять — у них в один момент буквально перевернулась вся жизнь. Еще несколько часов назад бывшие студентами академии реадиза, сейчас они превратились в не пойми кого — то ли преступников, обвиняемых не пойми в чем, но к чему они явно не имели отношения, то ли беглецов, спасающихся от жестоких преследователей. То ли и то и то сразу.

Безоблачное и радостное будущее, которое еще совсем недавно представлялось им, рассыпалось на миллион осколков, разбитое первой выпущенной на территории академии пулей. Может, эти ребята не понимали, почему произошло то, что произошло, но они вполне себе четко понимали, что будущего у них больше нет. Вернее, им казалось, что его нет — того будущего, которое они себе представляли, на которое надеялись.

А нового они пока что не придумали.

Даже студентам-заговорщикам было проще в этом плане. Они, скорее всего, прекрасно представляли свое будущее именно таким, в окружении огня, развалин и трупов — как чужих бойцов, так и своих. Судя по фанатичности Широ, психологическая подготовка у заговорщиков что надо, и мозги там промывают качественно. Не удивлюсь, если они

и к смерти готовы заранее и примут ее с радостью, если это случится во имя их заговора.

Да, с таким противником сражаться будет непросто. А ведь прежде чем сражаться, надо еще узнать, с кем именно из многих сотен реадизайнеров надо сражаться. Даже сейчас я не застрахован от того, что среди нас объявится заговорщик. Да, шанс исчезающе мал, но он все еще есть.

Однако, даже если это и так, даже если среди нас действительно затесался предатель, сейчас ему будет не с руки себя выдавать. Сейчас у него одна с нами цель — избежать поимки управлением и добраться до своих. А значит, до этого момента гипотетический предатель будет действовать в наших же интересах. Главное, не упустить переломный момент, когда из случайного союзника он превратится во врага.

Если, конечно, он вообще среди нас есть.

— Есть хотите? — спросил я, оглядев всех собравшихся у костра.

— Немного. — виновато ответила Чел. — Сам понимаешь, после обеда это все закрутилось, завертелось...

— Понимаю. — я кивнул и встал. — Я сейчас отойду, а вы не вздумайте отходить отсюда. Никуда. Жара в костре должно хватить до того момента, пока я не вернусь.

— Куда ты? — хором заволновались Ника и Амина.

— За едой. — ответил я и шагнул в темноту.

По пути сюда, буквально метров четыреста тому назад я видел дубы, земля под которыми была изрядно взрыхлена.

Видимо, кабаны в любом мире остаются кабанами, и повадки у них тоже везде одинаковы.

Конкретно сейчас меня интересовала повадка приходиться по ночам под дубы и копать землю в поисках желудей. Заяц это, конечно, хорошо, но он, во-первых, уже кончился, а, во-вторых, его все равно бы на всех не хватило. Здесь нужна дичь покрупнее.

Я не ошибся — под вторым из примеченных дубов действительно ковырялась в земле стайка кабанов — взрослый, скорее всего, самка, мне по середину бедра высотой и пяток поросят всего лишь по середину голени. Похрюкивая, они взрывали клыками почву в поисках желудей, а найдя — застывали на месте до того момента, пока не пережуют до конца.

В один из таких моментов я и выпустил стрелу, целясь в замершего взрослого кабана. Он не был мне нужен — в нем слишком много мяса даже для десятерых, к тому же оно жесткое, но выбора не было. Если бы я начал с поросят, мамаша обязательно кинулась бы на меня в атаку, а атакующий кабан — это жуткая вещь. Настолько жуткая, что я, наверное, лучше бы еще раз сразился с Юлей, напичканной скилл-тритом по самые брови, чем с разъяренной кабанихой.

Поэтому я решил вывести из строя сначала ее.

Прановая стрела сорвалась с тетивы и вонзилась в кабану.

Но не туда, куда я хотел.

Ровно в ту же секунду, когда я расслаблял пальцы, кабаниха опустила голову и сделала шаг вперед, закапывая пяточок в землю, и стрела вместо того, чтобы попасть точно в сердце, пробивая тушу насквозь и убивая ее на месте, попала в район легких. Да — пробила насквозь, но никакой мгновенной смерти это не принесло.

Зато очень разозлило кабаниху.

Она громко завизжала и резко развернулась в мою сторону — по запаху, что ли, учуяла, где я?! Между нами же метров тридцать!

К сожалению, для атакующего кабана тридцать метров это две секунды, одну из которых он разгоняется. А потом сто с лишним килограммов разъяренного мяса сносят обидчика, втапывая его в землю, и в ход идут страшные изогнутые клыки.

За две секунды я успел выстрелить два раза. Первый раз поторопился и промахнулся, зато вторая стрела, выпущенная практически в упор к лобастой шерстяной голове, промахнуться не могла по определению. Она легко прошла толстенную лобовую кость, от которой отскакивают иные пули, проколола кабаниху навывлет, превращая внутренности в кашу, и вылетела из-под хвоста.

Я даже почти смог отпрыгнуть, и удар уже умирающего тела пришелся мне в ногу — ту, что до этого оставалась целой.

Меня крутнуло и отшвырнуло прочь, я не удержался и

упал на землю, откатился подальше на всякий случай, чтобы не попасть под копыта бьющейся подыхающей свиньи, и резко сел, снова натягивая лук и готовясь выстрелить, если вдруг кабаниха решит, что она недостаточно мертва.

Но она не пыталась встать, только била копытами, вращаясь на боку по кругу — судя по всему, из-за повреждения мозга. Несколько секунд истеричных дерганий — и огромная туша наконец застыла. Глаза кабанихи остекленели, а из приоткрытого рта потекла слюна.

Я прислушался, не опуская лука и не пряча стрелу — кабаны обычно ходят стадами, и где-то рядом наверняка пасется еще пара-тройка крупных особей, включая совершенно непредсказуемых секачей. То, что мне повезло наткнуться на отошедшую в сторону от основной кучи мамашу с поросятами еще не значит, что кто-то из оставшихся не прибежит проверить, что произошло. Вероятность этого была равна вероятности того, что все остальные разбежались, услышав визг раненой кабанихи.

Сменяли друг друга секунды, но ничего не происходило и никто ко мне не ломился сквозь заросли. Видимо, все же все разбежались.

Я перевел взгляд под дуб, и, конечно, там тоже никого увидел — поросята разбежались в ту же секунду, когда мамка предостерегающе завизжала. Стало быть, придется довольствоваться жесткой кабанятиной. Зато ее будет много.

Настолько много, что я даже не представляю, как ее дота-

щить обратно до лагеря. Тем более, с моими ногами. Можно разделать прямо здесь и сейчас, благо, нож я взял с собой, но опять же — как ее подвесить для этого? Она весит больше меня.

Больше меня...

А ведь у меня в лагере тоже есть кое-кто, кто весит больше меня. Он-то мне и поможет!

Возвращаясь к костру, я нарочно громко шумел, чтобы не напугать ребят. Вернее будет сказать, я не пытался скрываться, а все остальное прекрасно делали мои многострадальные ноги, отзываясь болью при каждом шаге.

Драйз легко и быстро согласился помочь мне, даже не уточняя, в чем именно понадобится помощь. Согласился и поднялся с земли, всем своим видом выражая готовность.

Я боялся, что с его комплекцией мы будем добираться обратно до кабанихи так долго, что она успеет протухнуть, но, как ни странно, это оказалось не так. Да, Драйз трещал ветками, как тысяча фейерверков, и выдавал свое присутствие на добрую сотню метров вокруг, но шел он при этом весьма быстро и даже ни разу не застрял между деревьями.

Когда мы вернулись к дубам, и Драйз увидел кабаниху, он даже не удивился. Только хлопнул в ладоши и улыбнулся улыбкой, даже более довольной, чем у алкаша, когда ему сказали, что нальют бесплатно. Кажется, он уже предвкушал шашлык из свинины, пожаренный на открытом огне.

Самое интересное, что у Драйза нашлась даже веревка.

Когда я посетовал на ее отсутствие, он закатал рукав и показал мне браслет на левой руке, сплетенный сложным плетением из тонкого шнура и держащийся на защелке, которую комендант назвал «фастекс».

— Слишком тонкая. — посетовал я.

— Это паракорд! — так важно, словно это шерсть золотой овцы, произнес Драйз. — Выдерживает дикую массу в статике! Твою свинью на раз поднимем!

— Серьезно? — я недоверчиво ухмыльнулся. — Ну давай попробуем.

Драйз снял свой браслет и принялся его расплетать, приговаривая, что всегда знал, что браслет пригодится. Ушло у него на это около минуты, после чего в руке оказалось примерно три метра тонкого черного шнура.

Помучившись с тем, чтобы связать кабанихе ноги, а потом — с тем, чтобы найти ветку на высоте, достаточной для того, чтобы перекинуть через нее шнур, и еще осталось, мы наконец подвесили свинью вниз головой. Драйз просто взялся за свободный конец паракорда, намотал его на руку, сколько получилось, и поджал ноги, превращаясь в импровизированный противовес свинье.

Драйз оказался тяжелее.

Закрепив шнур, я взялся за нож и принялся потрошить свинью. Это нужно было сделать как можно скорее, пока расхреначенные моими стрелами в кашу внутренности не испортили полностью все мясо. И так придется большую часть

отрезать и выбросить, чтобы не отравиться, а если не пошевелиться как следует, то проще будет просто бросить ее тут, прямо подвешенной, и пойти грибы собирать.

— Ловко у тебя получается. — спустя несколько минут прокомментировал Драйз, наблюдающий за моей работой.
— Где научился?

— Я же почти из деревни. — усмехнулся я. — У нас там охота в порядке вещей. Ну, продуктов мало, всякое такое, сам понимаешь.

— Ага, понимаю. — хохотнул Драйз. — Точно так же, как понимаю, что ты выбрался из академии и вытащил с собой девчонок, развел костер в лесу из нихрена, вправил кисть Владе, теперь подстрелил и разделяешь кабана... Не говоря уже обо всем прочем странном в тебе, о чем мы с тобой уже говорили. Ты же не станешь заявлять, что всему этому научился «в деревне»?

Я на секунду оторвался от мяса и бросил взгляд через плечо:

— Ты хочешь сказать что-то конкретное? Обвинить меня в чем-то?

— Упаси духи, что ты! — Драйз замахал руками. — Скорее у меня есть к тебе предложение... Вернее, у меня просто есть предложение, а ты, насколько я тебя знаю, больше всего похож на человека, которому оно понравится.

— И что за предложение?

— Ну смотри, мы же не собираемся сидеть в лесу до по-

синения, верно? Нас же все равно найдут рано или поздно.

— Да, это так. — вздохнул я.

— Значит, нам надо выбираться отсюда, если мы не хотим отправиться с солдатами, или еще хуже — словить пулю. Но выбираться пешком через лес такой большой группой — не вариант. Нам надо что-то есть, нам надо спать, да и просто-напросто идти будет нелегко.

— Да, это так. — снова согласился я. — Но это все не предложения.

— Ага, потому что предложение будет сейчас. Как ты смотришь на то, чтобы выбраться из академии... Через академию?

Глава 4. Хитрый план

Да, толстый нашел, чем меня ошарашить. И дело даже не в абсурдности его предположения, тут как раз все не так однозначно — Драйз все же не создает впечатления тугого на соображалку, и наверняка у него есть какой-то козырь в рукаве. Абсурдной была разве что формулировка, которую я даже не понял. Поэтому, на секунду оторвавшись от туши, я махнул ножом через плечо:

— Поясни?

— Знаешь, чего не произошло сегодня? — непонятно спросил Драйз.

Я даже на секунду задумался и усмехнулся пришедшему в голову ответу:

— Чего-то хорошего?

— Ага. — хмыкнул Драйз. — Нет, я о другом. Сегодня в академию не прибывал поезд.

А вот это уже интересно. Настолько интересно, что я даже оторвался от мяса и развернулся лицом к Драйзу, чтобы видеть его глаза, насколько это позволяли сгущающиеся сумерки:

— Откуда знаешь?

— Когда прибывает поезд, над платформой взлетает сигнальный аэростат. — Драйз руками очертил что-то круглое в воздухе. — Большой и красный с оранжевым. Не увидать

его просто невозможно. Но сегодня я его не видел.

— А обычно видишь?

— Мое окно выходит точно на него. — усмехнулся Драйз.

— Думаю, это даже специально сделано, чтобы я знал, когда точно прибывает поезд с учениками и понимал, когда их встречать.

— А что, поезд прибывает в разное время? — не понял я, тут же поморщился и махнул рукой. — Забудь, тупой вопрос, к делу не относится. Значит, по отсутствующему аэростату ты определил, что поезд не приходил... А если его просто не поднимали? Ну, например некому было.

— А там всегда некому. — возразил Драйз. — Там работает автоматика.

— Но ее же могли отключить?

— Могли. — улыбнулся Драйз. — Но для этого сначала должен был приехать поезд, который привезет тех, кто ее отключит. Если, конечно, кто-то в рядах академии не подсуетился заранее.

— И я о том. — я кивнул. — Хотя, конечно, это маловероятно. Да и вообще, если задуматься — а как бы они на поезде всех вывезли? Студенты сюда ехали, почти полностью забив собою вагоны, а ведь кроме них еще надо было солдат впихнуть и преподавателей. Нет, вариант с поездом действительно маловероятен. Но я не понимаю, что нам это дает.

— Если они прибыли не на поезде, то остается только два варианта. — Драйз растопырил пальцы на правой руке дву-

зубой вилкой. — Первый — это по воздуху. Он отмечается тоже, потому что нам окружает кольцо пустоты, в котором любой аэромант лишится сил и самолет, да даже и вертолет просто рухнут. Не говоря уже о том, что самолету здесь просто негде приземлиться, а вертолет грохочет так, что мы узнали бы о прибытии управления задолго до самого прибытия.

— И не говоря о том, что люди вроде бы отстранили всех реадизайнеров от управления чем-либо. — себе под нос пробурчал я. — А второй вариант это, как я понимаю, машины.

— Точно! — Драйз загнул средний палец и оставшимся указательным ткнул в мою сторону. — А знаешь, в чем отличие машин от поездов и самолетов? Самолетами и поездами может управлять один человек из тысячи, а машинами — каждый третий. Только среди нас есть как минимум трое, кто может это делать.

План Драйза потихоньку начал вырисовываться у меня перед глазами. Судя по всему, толстяк хочет захватить одну из машин и слинять из академии на ней. Но для этого, понятное дело, в академию надо вернуться. Сюда, в лес, никто нам грузовик не притащит.

— А ключи?

— Ключи у водителя. — охотно ответил Драйз. — А водитель всегда где-то рядом с машиной.

— То есть, ты предлагаешь вернуться в академию, про-

ползти ее насквозь под носом у кучи вооруженных солдат...

— Не кучи. — возразил Драйз. — Очень многие уедут уже сегодня. Увезут раненых и мертвых, плюс заберут реадизайнеров, которые позволили себя схватить. Останутся только те, кто будет заниматься поисками сбежавших в лес.

С каждым словом Драйз все меньше и меньше мне нравился. Добродушный толстяк, комендант общежития, душа компании, если верить Нике, сейчас он меньше всего подходил под какую-то из этих характеристик. Под толстым слоем жира прорезался и блеснул острый аналитический ум, который пришел к выводам, к которым пришел бы и я сам, если бы обладал аналогичной входной информацией.

— И прочесывать лес они будут, вероятнее всего, ночью. — продолжил я за Драйза, отворачиваясь и снова принимаясь подрезать шкуру. — Когда уставшие люди будут спать. Но это же не значит, что они оставят машины без охраны.

— Конечно, не оставят. Но если на нашей стороне будет элемент неожиданности, мы легко сможем захватить одну из них. Всего одну — нам больше не надо, нас слишком мало.

— Откуда бы ему взяться, элементу неожиданности? — усмехнулся я. — Даже если действительно большая часть личного состава управления отправится в лес по наши души и мы не попадемся никому на глаза, вся академия усыпана камерами наблюдения, я их видел — на тех же столбах, на которых громкоговорители закреплены. Достаточно всего одного человека, чтобы у него на виду оказалась вся пло-

щадь. Вместе с нами. А там такой человек совершенно точно не один, там отряд с оружием, как раз на такой случай. И они выдвинутся нам на перехват, едва только мы засветимся на одной из камер.

— Это если мы засветимся.

Что ж, Драйз удивил меня второй раз. Я снова оторвался от мяса и повернулся к нему:

— Имеешь способ сделать нас невидимками?

— В некотором роде. — хмыкнул Драйз. — Как ты относишься к подземельям?

— Терпеть не могу. — автоматически признался я, вспоминая все то мерзкое, что моя память ассоциировала с этим словом. — Стоп, что? При чем тут подземелья?

— А вот при том. — многозначительно поднял бровь Драйз. — Есть подземный ход, по котором отсюда, из леса, можно пробраться на территорию академии.

Я несколько секунд переваривал информацию, пытаюсь понять, шутит он надо мной, или что вообще происходит?

— Подземный ход? — уточнил я. — Из леса?

— Ну, технически он в лес. — выделив «В» интонацией, поправил меня Драйз. — Но да, подземный ход. Он соединяет административный блок и общежитие и выводит за территорию основной части академии.

— И зачем его построили?

— Никто его не строил. — Драйз развел руками. — Просто, когда дошло дело до закладки академии, оказалось, что

административный блок уже кем-то построен...

— Это я знаю. — перебил я, не желая второй раз выслушивать историю о чудесном появлении административного шпиля. — Дальше давай.

— Ну так когда стали обследовать административный блок, оказалось, что из одного из помещений ведет широкий длинный лаз, который сперва выходил на поверхность, а потом продолжается и заканчивается только в лесу. Знаешь место, где через реку перекинута бревно замшелое? Вот там недалеко и вход в этот лаз.

— А общежитие тут при чем? — не понял я.

— Ну, когда нашли этот лаз, решили, что нет смысла его заделывать, раз уж на одном его конце все равно уже стоит административный блок. Поэтому там, где второй выход был — просто построили общежитие, решив, что раз уж природа сама распорядилась таким уникальным эвакуационным ходом, то надо этим пользоваться. Дверь напротив моей комнаты видел? Это вход в лаз. Его немного приукрасили силами геомантов, сделав подпорки и скруглив торчащие углы, но по большому счету никто им специально не занимался. Мало того — им ни разу не пользовались, и, так как в строительстве академии почти не принимали участия люди, есть повод предполагать, что знают об этом лазе считанные единицы. И сомневаюсь, что среди солдат найдется тот, кто знал бы об этом лазе... Учитывая, что с момента постройки академии прошло уже триста лет.

— Тогда откуда о лазе знаешь ты? — усмехнулся я.

— Я же комендант общежития. — Драйз развел руками.

— Кому как не мне доверить тайну существования эвакуационного выхода?

— Может, у тебя и ключ есть?

— Конечно, есть. — Драйз запустил большие пальцы под ворот своей цветастой майки и вытащил цепочку, на которой болтался небольшой плоский ключ. — Всегда с собой. Дверь напротив моей комнаты видел? Это и есть вход.

— Ту дверь давно уже выломали. — усмехнулся я. — Ты же не надеешься, что они оставят хотя бы одно помещение не обысканным?

— Это не страшно. — помотал головой Драйз. — С виду это помещение — простая кладовка, а лаз скрыт под полом. Его можно найти только в двух случаях — либо уже зная, где он, либо целенаправленно ища именно его. Сейчас управление этим явно заниматься не будет, сейчас их задача, особенно учитывая то, как их потрепали в бою — убедиться, что ни в одном помещении не осталось забытых реадизайнеров. Поэтому они осмотрят кладовку лишь поверхностно, а простучивать полы и стены. Вернее, станут, но через пару дней, не раньше.

И снова его выводы были точными и правильными. Возможно, с некоторой скидкой на «авось», но...

— Мы все равно туда не пойдем. — тут же сбил меня с толку Драйз.

— В смысле? А куда пойдём?

— В административный блок. Там вход в лаз вообще скрыт за стеной, которая открывается только если нажать на правильный блок, причем для этого еще и реадизайнером надо быть. Так что управление даже зная об этом, не смогут его открыть.

— Не пойдет. — я покачал головой. — В шпиле будет больше всего солдат, ведь там кабинет директора и комнаты преподавателей. Считаю, там вся документация, компьютеры, всякая личная переписка. Это все сейчас будет перетряхиваться и проверяться неделю, не меньше. В шпиле сейчас больше людей, чем было в столовой на обеде в честь открытия учебного года.

— Выбора нет. — серьезно сказал Драйз. — Мы не знаем, где стоят машины управления, а без этого нас не спасет ни лес, ни подземный ход, ни что-то еще. Мы просто будем вслепую плутать по академии и обязательно попадемся кому-то на глаза. Ты правильно сказал — вся академия усеяна камерами видеонаблюдения, и мы можем это использовать себе на пользу целых два раза. Первый — найти стоянку машин. Второй — нейтрализовать тех, кто наблюдает за мониторами и кто может поставить крест на нашей затее.

Я глубоко задумался. Как ни странно, но слова Драйза действительно звучали логично. Лишенные понимания того, что творится на территории академии, где располагаются силы противника, и самое главное — где и в каком количестве

находятся Иллюзионисты, — нам там делать нечего. В прямом столкновении мы продержимся не дольше одной минуты — ровно столько понадобится черно-синим бронированным истребителям реадизайнеров, чтобы добраться до боя. Никаких иллюзий по поводу нового боя с ними я не питал. Я еле-еле победил одну Юлю, наспех натренированную и потерявшую голову от обуревающих ее эмоций, а что случится, если ее место займут несколько Иллюзионистов с холодной головой, прошедших полный курс подготовки... Ну что произойдет, я проиграю, вот что.

Мы все проиграем.

Так что идти вслепую нельзя. Хотя, если вдуматься, именно это мы и собирались сделать, проникая в административный блок через подземный ход. Не зная, сколько там противников, где они находится, чем занимаются... По сути, не зная ничего. При таких вводных лобовой штурм шпиля даже при условии эффекта неожиданности однозначно обречен на провал.

Придется действовать иначе.

Так, как я уже давно не действовал.

— Где находится комната с мониторами? — спросил я, снова возвращаясь к кабаньей туше.

— На последнем этаже, возле кабинета директора. — любезно ответил Драйз.

Ну, конечно, как же иначе. В самой заднице.

— И, кстати, в ней категорически мало места, максимум

на двоих, и то плечами толкаться будут. Там вообще по идее никто не должен сидеть, не предполагалось такого. Это к вопросу о том, что там сидит отряд автоматчиков — не сидит. Они, скорее всего, сидят где-то рядом.

Я снова бросил короткий взгляд на Драйза и заметил краем глаза, что он улыбается. Кажется, он уже понял, к чему я веду, и со всем своим радушием ненавязчиво подталкивает меня к этому решению, выдавая именно ту информацию, которая мне поможет.

Осталось выяснить, что при этом он утаивает.

— Что может помешать добраться до комнаты? — спросил я, намеренно избегая упоминания каких-либо личностей.

— Ты сам сказал — солдаты. На каждом этаже будут солдаты. Лифтом, понятное дело, не воспользуешься — моментально выдашь себя. Кроме того, в самом шпиле тоже есть камеры, но их мало, и расположены они одинаково — над дверями, ведущими на этажи. И то только изнутри, со стороны коридора. О них вообще можешь не беспокоиться, если, конечно, тебе зачем-то не понадобится прошвырнуться по комнатам преподавателей. Впрочем, даже в этом случае много хлопот они не доставят — они не двигаются, так что мимо них при определенной доле удачи можно даже проскочить незамеченным.

— Что-то еще?

— Не думаю. Административный блок не предполагалось

от кого-то оборонять, поэтому и систем безопасности никаких там нет. Даже те же камеры скорее для порядка и в виде напоминания о наличии наблюдения. В обычных условиях хватало и зверюшек директора, чтобы отвадить от блока посторонних.

Я вспомнил оранжевых животных, встретивших меня в столовой, и ухмыльнулся — да уж, такие отвадили бы кого угодно.

— Так что если там и найдется что-то, о чем я не упомянул — это будут уже игрушки солдат. — подытожил Драйз. — И я о них просто не знаю.

— Шпиль везде одинаковый? Все этажи, кроме первого и последнего?

— Только диаметром отличаются. Ну и количеством комнат на каждом этаже, соответственно.

— Из чего сделан шпиль?

— Тебя материал интересует? — удивился Драйз. — Говорят, что это каменный монолит... Или даже монолитом его не назвать, потому что его никто не отливал, он же существовал всегда. Короче, каменное образование такое себе.

— Ясно.

— С вопросами покончено?

— Угу. — коротко ответил я, уже прикидывая, что конкретно меня завтра будет ждать и как конкретно я с этим буду справляться.

— Тогда вопрос есть у меня. Я правильно понимаю, что

нынче в деревнях учат еще и навыкам скрытного проникновения в охраняемые места в одиночку?

— Нет, не учат. — вздохнул я. — Это уже факультативные занятия. Из личного интереса.

Глава 5. Беседы у костра

В идеале было бы вообще все перевернуть в одиночку. Проникнуть в лаз в одиночку, добраться до шпилья в одиночку, подняться в комнату видеонаблюдения в одиночку, выпить нужную мне информацию в одиночку и вернуться к остальным. Все сделать в одиночку, чтобы остальные не мешались. В идеале было обойтись даже без Драйза.

После разговора за разделкой туши комендант общежития мне резко перестал нравиться. Он без труда прочитал меня, мою истинную суть и мои истинные навыки, а все потому что от него я их не особо-то и скрывал — просто не считал нужным. Драйз смог обмануть меня, и, пока я считал его бесполезным увальнем, он собирал все возможную информацию, в том числе и обо мне, чтобы в итоге придти к какому-то, одному только ему ведомому, выводу. Но этот вывод явно был верным.

В любом случае, Драйз явно не был простым комендантом магического общежития. В том смысле, что это было не основным его родом деятельности, а скорее прикрытием, которое позволяло ему официально присутствовать на территории академии.

А вот основной род деятельности увальня до сих пор оставался под вопросом. Настолько под вопросом, что у меня не было даже вариантов.

Вернее, варианты как раз были. Один другого безумнее, один другого невероятнее — хотя бы потому, что в пользу каждого из них говорило столько же фактов, сколько и против.

Вариант первый — Драйз сотрудник управления ноль под прикрытием. В пользу этого говорила его сложная психологическая подготовка, которая смогла обмануть даже меня, но при этом помогла ему без проблем прочитать мою собственную личность. Сюда же можно было отнести его невероятную манеру ходить — конечно, не сказать чтобы тихо, но хотя бы не застревая между деревьями, что при его комплекции было уже удивительно.

Правда были и факты против этой теории — например, то, что Драйз каким-то образом оказался среди беглых реадизайнеров, вместо того чтобы присоединиться к управлению во время операции. Я расспросил Чел о том, как они встретились — оказалось, что уже в лесу, то есть, Драйз не мог целенаправленно внедриться в группу, чтобы потом привести ее к своим людям. Он банально не знал, что какая-то группа существует.

Зато эта теория легко объясняла, для чего он рассказал мне про подземный ход — чтобы мы оказались там в ловушке как крысы, и нас легко можно было взять голыми руками. Правда для выполнения этого хитрого плана сначала надо, чтобы люди управления знали о лазе тоже — ну да кто поручится за то, что слова Драйза насчет «пары человек, зна-

ющих о ходе» — правда? Может, об этом лазе разве что в утренних газетах не пишут?

Я размышлял о личности коменданта, глядя на него сквозь заново разведенный огонь. Студенты, насадив принесенное мясо на зеленые упругие веточки, жарили его над углями, которые я отдельно отгреб в кучу, переговариваясь и даже улыбаясь. При виде еды они заметно оживились, а когда по полянке поплыл дразнящий запах жареного мяса — все повеселели. Кто-то жарил свою порцию почти до углей, те, а кто считал свою порцию уже достаточно прожаренной, — в том числе и Драйз, — ели. Это позволяло мне смотреть на него и заново узнавать все повадки этого человека, меньше опасаясь за то, что он заметит мой интерес — мясо плюс огонь, скрывающий мой взгляд были на моей стороне.

Второй вариант — Драйз работает на заговорщиков. Этот вариант вызывает еще больше вопросов и выглядит еще менее реалистичным, но совсем сбрасывать его со счетов не стоит тоже. Последние несколько недель моей жизни ясно дали понять, что зачастую происходят вещи, которые кажутся совершенно невероятными до того самого момента, пока не произойдут. Насколько бы малой ни была вероятность того, что реадизайнеры-заговорщики зачем-то возьмут в свой заговор простого человека, поставят его на место коменданта, чтобы он после этого влился в группу беглых реадизайнеров, отказавшихся принимать участие в заговоре (опять же — зачем?), такая вероятность существовала.

Значит, что при первом варианте, что при втором, мы идем в ловушку. Только во втором варианте мы окажемся в ней позже, и еще не известно, что она из себя будет представлять. Именно поэтому я и хотел максимум работы выполнить в одиночку — чтобы в случае чего, в опасности оказался один только я. Выбираться из щекотливой ситуации намного проще в одиночку, нежели когда у тебя еще балласт из десятка человек.

Был, конечно, еще и третий вариант — что Драйз действительно тот, за кого себя выдает. Просто человек, устроившийся на работу комендантом, не имеющий ничего общего ни с одной стороной конфликта и предлагающий искреннюю помощь. В этот вариант хотелось верить больше всего, но червячок сомнения все равно точил меня — слишком уж внутренний мир толстяка расходился с его внешностью, слишком уж достоверно он строил из себя того, кем не является.

Прямо сейчас он сидит и зубами снимает с прутика куски мяса, жует их и прямо с набитым ртом рассказывает Мартен какую-то историю. Смешную, судя по тому, как она смеется, прикрывая рот поврежденной рукой.

Острый аналитический ум снова спрятался в ножны из жира и добродушия и никто, кроме меня, не знал, что он там вообще есть. По крайней мере, никто из сидящих здесь.

Поэтому, когда я тихо, чтобы услышали только сидящие рядом Чел и Ника, попросил приглядеть завтра за Драйзом,

и убить его без раздумий, едва только он выкинет хоть что-то, хоть отдаленно похожее на странность, они посмотрели на меня так, словно я предложил им покормить с рук стаю скопий.

— Ты это серьезно? — шепотом осведомилась Ника, осуждающе глядя на меня.

— Абсолютно. — серьезно ответил я. — Давайте я не буду сейчас уходить в подробности, это не та тема, которую следует обсуждать в куче лишних ушей.

Чел хихикнула при этих словах, но я ожег ее взглядом, и она снова приняла вид внимательно слушающей отличницы.

— Давайте вы мне просто поверите, что Драйз не тот человек, каким кажется. — продолжил я. — И он действительно может представлять опасность.

— Да он же увалень! — Ника не удержалась и всплеснула руками. — Единственная опасность, которую он может представлять — это если он упадет на тебя! Да и то — всегда можно убежать!

Ника говорила, как всегда, эмоционально, но, к счастью, тихо. Настолько тихо, что даже Чел, сидящая неподалеку, явно слышала все не лучшим образом и потому подвинулась ближе, касаясь одной коленкой меня, а другой — Нику. Некоторые студенты бросили на наш шушукающийся треугольник любопытные взгляды, но тут же вернулись к своему ужину.

— Я не имел в виду прямую опасность. — ответил я Нике.

— Хотя и ее со счетов сбрасывать не стоит тоже. В конце концов, если он например тебя тупо схватит и будет держать — что ты ему противопоставишь?

— По яйцам пну. — фыркнула Ника. — Хотя нет, к ним еще хрен пробьешься.

— Вот именно. — усмехнулся я. — Так что будьте хорошими девочками, послушайте меня. Я пока не знаю, что на самом деле представляет из себя этот человек, а это уже повод для того, чтобы заочно считать его опасным.

— Хочешь сказать, у него есть скрытые мотивы, стало быть?

— Не хочу. — я помотал головой. — Очень не хочу. Но придется.

Я уже вкратце выложил им план на завтрашний день, и ожидаемо получил порцию фырканы от Ники и непонимания от Чел. Им обеим план не понравился, но через минуту объяснений они согласились, что это самый верный способ выжить и свалить из академии. Пусть даже его верность измеряется парой процентов, это все равно больше чем стремящаяся к нулю вероятность добраться до населенного пункта пешком.

К сожалению, я не мог себе позволить идти в одиночку. Как минимум, в лаз мы должны войти вместе, и дойти до административного блока — тоже. Когда я, уже в одиночку, проникну в комнату видеонаблюдения и выясню, где находятся машины, я неминуемо подниму тревогу. Иллюзий на

этот счет я не строил — залезть в логово скопий в надежде, что не заметят, может только дурак, или тот, кто не знает их повадок.

Дураком я себя не считал, и повадки своих «скопий» знал весьма неплохо, поэтому прекрасно понимал — незамеченным я не останусь. Это было бы возможно повернуть, если бы я пошел по трупам, убивая каждого встречного просто для того, чтобы он не обернулся в неподходящий момент и не увидел меня, но этого я делать не собирался. Как минимум, у меня банально не хватит праны на то, чтобы застрелить всех, кто мне попадется. По моим прикидкам, в шпиле должно быть никак не меньше пятнадцати человек, а, скорее, даже больше — двадцать, тридцать, сорок. Не говоря уже о том, что мне могут попасться Иллюзионисты, попытки вывести из строя которых — отдельный вид мазохизма.

Говоря откровенно, даже до комнаты видеонаблюдения я смогу добраться незамеченным только в случае, если меня специально не будут замечать. Однако даже если это дело и выгорит, еще надо будет спуститься обратно, а это тот же самый путь только в другом направлении, и уменьшение секретности нашей операции вдвое.

Поэтому совершенно исключено, чтобы все остальные находились в этот момент где-то далеко — они просто не успеют добраться до меня раньше, чем поднимется полноценная тревога, и на нас двинутся вооруженные перегруппировавшиеся солдаты.

Нет, ребята должны быть рядом. Настолько рядом, чтобы в идеале сорваться к машинам даже раньше, чем я к ним спущусь. Такой возможности, конечно, тоже нет — телефоны по-прежнему не ловили сеть, так что вариант оставался один-единственный — спуститься к группе, забрать ее из подземного хода и уже все вместе отправиться к машинам, скорее всего, попутно отбиваясь от случайного, но ежеминутно нарастающего и обретающего упорядоченность сопротивления.

И именно тот момент, когда я уйду в шпиль, оставив группу под землей, и будет критическим и поворотным. Момент, когда Драйз либо сделает какую-то гадость, тем или иным способом дав понять управлению, где мы находимся и что собираемся сделать, либо не сделает.

Первый такой момент. Потом, если все выгорит, и мы все же доберемся до машин, будут еще и другие такие моменты, но это будет потом. Это будет ЕСЛИ план выгорит. И там я уже смогу присмотреть за Драйзом сам, в отличие от первого момента, для которого мне и нужны мои девочки.

Каким-то образом я все же умудрился взять с них слово, что они не сведут глаз с Драйза и нейтрализуют его, если он начнет творить что-то непонятное. Убивать его они отказались наотрез, что та, что другая, да и в целом не описали границы «странного», но спасибо и на том. В конце концов, я и сам могу убить толстяка, если он что-то отчебучит, когда вернусь.

Само собой, отпускать меня в одиночку Ника отказалась наотрез. Но это поначалу. В первые пятнадцать секунд после того, как она узнала об этой детали плана. Следующие пятнадцать секунд она плавно снижала градус недовольства и громкость своей речи под давлением моего взгляда. Я даже ничего не говорил, просто сидел и скучающе смотрел на нее, ожидая, когда она выговорится.

— Закончила? — спросил я, когда она замолчала.

— Ага. — Ника грустно вздохнула. — Ты идиот.

— Слыхал уже. — я махнул рукой. — Ты повторяешься.

— Потому что ты продолжаешь делать идиотские вещи.

— Ника показала мне язык. — Только попробуй не вернуться. Я же тебя отыщу, реанимирую и сама убью.

— Ты умеешь реанимировать? — заинтересовалась Чел.

— Разве такое возможно?

— Абсолютно точно — нет. — Ника помотала головой.

— Но ради него — научусь за секунду, это я вам обещаю.

— Ну-ну. — хмыкнул я. — Реаниматорша мелкая. Давайте лучше устраиваться спать. Качество сна у нас сегодня будет оставлять желать лучшего, так что надо попробовать хотя бы количеством наверстать. Завтра у нас тот еще денек.

Студенты уже доели свои порции и сейчас тихонько шушукались, бросая на наш советующийся треугольник немного настороженные взгляды. Я решил пока что не ставить их в известность о плане на завтрашний день, потому что было совершенно очевидно, что после таких известий никто из

них до утра глаз не сомкнет. А они мне завтра нужны бодрые и полные сил. Ну, насколько это возможно.

Разумеется, никаких пледов и одеял никто не припас. Мало того — у нас не было даже банальной лопаты, с помощью которой можно было бы выкопать неглубокую яму, равномерно усыпать ее углями и присыпать их сверху тонким слоем земли, которая нагревалась бы от них. Возможно, я бы заморочился подобным одним только ножом, если бы нас было трое, но на десять человек я скорее руки по локоть сотру и нож сломаю, чем выкопаю такую яму.

А еще умотаюсь как грузчик на плантации сахарного тростника.

Все, что мы могли себе позволить — это разбросать костер, затушив открытое пламя в угли, и лечь вокруг него, чтобы медленно угасающее тепло грело нас хотя бы до тех пор, пока мы не уснем. К счастью, ночью еще были далеки от холодных, да и дождя, судя по чистому небу, не ожидалось, так что мы действительно имели все шансы проспять до самого рассвета. До того момента, той самой холодной точки утра, когда на листья и кору выпадает роса, не обделив и наши тела тоже.

Это будет неприятно, пробуждение явно не самым радостным, но это даже хорошо. Примерно в такое время нам и надо будет встать. Под самое утро, когда ночные патрули еще не сменились, зато уже почти спят. Когда их внимание рассеяно и взгляд замылен. Идеальный момент для того, чтобы

провернуть задуманное.

Если, конечно, их патрули и часовые меняются хотя бы примерно по той же схеме, к какой я привык.

Если, конечно, у них вообще есть какие-то патрули и часовые.

Я бы с удовольствием выставил часовых, или даже сам не спал бы всю ночь, чтобы не случилось чего-то из ряда вон выходящего, но прекрасно отдавал себе отчет в том, что это бесполезно. Если на нас выйдут солдаты управления с их огнестрельным оружием, то даже если часовой, даже если им буду я, заметит их заранее, это не даст никакого преимущества и не позволит нам сбежать. Так что нет разницы, спать или бодрствовать.

С другой стороны, стоило бы оставить часовых для того, чтобы не подошли дикие звери, но это было бы актуально только если бы нас по-прежнему было трое. Такая большая группа, как наша, не вызовет интереса у диких зверей — они не станут с ней связываться, они поищут добычу полегче.

Действительно единственное, ради чего можно было бы оставить наблюдение — это чтобы проследить за Драйзом, но даже это не было нужды делать специально — я достаточно чутко сплю для того, чтобы не пропустить, как ему приспичит встать или хотя бы просто перекатиться набок. Не с его весом. Не с его комплекцией. Как ты ни крути, как ты прекрасно не владей собственным телом — если оно похоже на воздушный шарик без веревочки, тебе чтобы встать по-

надобится минимум две попытки.

И каждую из них я услышу.

Кроме того, конкретно мне завтра силы понадобятся больше всех, так что не спать всю ночь я просто не могу себе позволить. Да, у меня молодое и сильное восемнадцатилетнее тело, но даже у него есть свои пределы, и за последние несколько недель оно вполне могло к нему вплотную приблизиться. Сомневаюсь, что за всю жизнь на долю Сержа Колесникова выпадала хотя бы половина событий, что выпали мне чуть меньше чем за месяц. Так что лучше не рисковать.

А выставлять часовыми кем-то, кроме меня, было в принципе бессмысленно. Это же не воины, это подростки. Они сами не заметят, как уснут. И их даже нет смысла за это корить — это физиология и полное отсутствие привычки, которое не выработать за пять минут одними только словами.

Так что единственное, что остается — это обнять Нику, закрыть глаза и постараться уснуть.

Глава 6. Под землей и над землей

Пробуждение было не из приятных, скажем прямо. Угли в костре за ночь протлели в золу и уже не давали никакого тепла, не говоря уже о земле, которая успела остыть явно задолго до того, как я открыл глаза. Бок, на котором я спал, задеревенел и едва ощущался, но это ничего — быстрая разминка приведет мышцы в порядок. Гораздо хуже, если я, или даже не я, а в принципе кто-то из находящихся здесь, застудил себе почки после сегодняшней вынужденной ночевки. Впрочем, у нас есть Ника, которая худо-бедно сможет с этим помочь, а, если сегодняшний наш план выгорит, то скоро мы сможем получить и нормальную медицинскую помощь.

К счастью, у меня немного меньше стали болеть ноги, а после того, как Ника влила в меня свежую порцию восстановившейся за ночь праны, стало вообще почти хорошо. Я снова мог ходить, бегать и прыгать — через боль и без особого удовольствия, но это хотя бы у меня получалось.

За завтраком, состоящим из все той же жареной кабанятины, подогретой на заново раздутом из едва живых угольков костре, я наконец посвятил всех невыспавшихся и сонных студентов в план, который нам теперь предполагалось воплотить в жизнь. Некоторые из них, еще не проснувшиеся, кажется, даже не поняли, о чем я вообще веду речь. Зато все остальные наоборот — моментально проснулись и уста-

вились на меня удивленными взглядами. К счастью, никто не спорил и даже особо не задавал вопросов, по крайней мере, не касаясь самой сути плана.

А ведь я уже подготовил целую миниатюрную речь, суть которой сводилась бы к «Я никого с собой не тащу, но вариантов у вас не то чтобы много», а оказалось, что даже она-то и не нужна. Ребята и так готовы на все что угодно. Судя по всему, после вчерашних событий, когда я приютил их у костра, а потом умудрился еще и накормить и сделать так, чтобы они не замерзли насмерть ночью, мой авторитет среди них взлетел на недостижимую высоту.

Эх, видел бы это Широ... Хотел бы я посмотреть, как сузятся его глаза от зависти.

Солнце только-только поднималось из-за горизонта, поэтому в лесу царил что-то вроде сумерок — светило посылало свои первые лучи почти параллельно земле и они высвечивали чашу изнутри, заставляя каждый украшенный крошечными каплями росы листик сверкать, как дорогой бриллиант. В воздухе пахло свежестью и покоем, и даже температура его, которую сложно было назвать комфортной, скорее бодрила, чем заставляла действительно мерзнуть.

После завтрака мы затоптали и засыпали землей костер, и выдвинулись к подземному ходу, благо путь до него отсюда я запомнил. Несмотря на это, я попросил Драйза идти впереди и вести за собой всех остальных, делая при этом вид, что ни черта не помню, куда идти. Подспудно я ожидал, что

толстяк будет отказываться всеми возможными способами, лишь бы не маячить в поле моего зрения, но он легко согласился и пошел ледоколом по чаще. За ним оставалась настоящая широкая просека из раздвинутых в сторону деревьев и вытоптанного кустарника, так что проблема разной скорости разных членов нашей группы решилась сама собой.

Теперь мы все двигались со скоростью Драйза.

Это было не очень быстро, но где-то через час мы все же вышли к ручью и перекинутому через него замшелому бревну, недалеко от которого мы вчера спасли Амину от Широ. Даже возникла мысль сходить туда, где я вчера оставил узкоглазого, но я быстро ее отмел — с учетом того, что я вчера своими собственными руками приманил на это место солдат управления, нельзя сбрасывать со счетов вариант, что они решили тут оставить что-то вроде патруля. По крайней мере, я бы на их месте точно бы оставил — ведь кто-то же вызвал их ракетой, чтобы они забрали придушенного Широ и тело своего бойца. Думаю, они достаточно подкованы в полевой медицине, чтобы понять по состоянию мышц мертвеца, что он мертв уже давно и это явно не он запалил ракету перед смертью. А раз не он — значит, рядом шастает кто-то еще. А раз шастает кто-то еще, кто не желает представиться — вероятно, он опасен.

Так бы я рассуждал на месте солдат управления. А значит, и они тоже могли так рассуждать, и, если мы на них не наткнулись по пути сюда, это еще не значит, что мы на них не

наткнемся в принципе. Это может произойти в любую минуту — несмотря на то, что мы еще не в академии, мы уже в опасной зоне.

Надо спешить.

К счастью, Драйз не терял времени, в отличие от меня. Пока я обводил окрестности сумрачным взглядом, ожидая в любой момент увидеть в зарослях движение, комендант подошел к большому и приметному, заросшему ярко-оранжевым лишайником, камню, и приложил к нему руки.

Я только хотел окликнуть его и предложить помощь, — ведь совершенно очевидно, что он не сдвинет эту глыбу весом в несколько Драйзов, — но опоздал буквально на какую-то секунду. На ту секунду, за которую Драйз легонько толкнул камень от себя и тот послушно завалился набок, словно был сделан из пенопласта.

Возможно, так оно и было. А, может, это был не пенопласт, а какой-то другой материал, из которого так искусно вырезали или выплавили этот фальшивый булыжник. И лишайник на нем наверняка не простой, а какой-нибудь искусственный, а то и вообще нарисованный. Специально нарисованный, чтобы булыжник выделялся на фоне остального леса и было ясно, где искать тайный подземный ход. При этом надо отметить, что сделана эта маскировка была мастерски — несмотря на то, что подобным ярким лишайником в радиусе видимости обладал один лишь только этот «булыжник», я на него не обратил внимания совсем. Ни вчера, когда мы

с Никой здесь зависли, ни, тем более, сейчас — до тех пор, пока Драйз не толкнул его своими ладонями.

А булыжник не просто завалился набок — оказалось, что он приделан к деревянному щиту, который в свою очередь через обычные дверные петли прикрывал вход в подземный лаз. Я почему-то ожидал, что нас ждет пещера и ее пугающий темный зев, но, черт возьми, откуда взяться скале и тем более пещере в ней в лесу? Логично, что это будет что-то вроде погреба.

Однако на откидной крышке все сходство с погребом у лаза заканчивалось. Когда я подошел и заглянул внутрь, оказалось, что внутри нет даже толкового спуска — только несколько грубых ступенек, которые не то вырезали, не то выгрызли прямо в камне. Кривые, скошенные, разной ширины и высотой раза в два выше, чем это было действительно удобно, они уводили вниз, в темноту.

В лазе даже не было никакого освещения.

Я перевел взгляд на Драйза, который сиял довольной улыбкой и мотнул головой в темноту:

— Иди первым.

— Не вопрос, босс. — улыбнулся Драйз. — Только там света нет, а я свой телефон в академии оставил. Не одолжишь свой в качестве фонарика?

Я достал телефон, убедился, что батарейки еще тридцать процентов (Хотя какая разница? Один хрен связи нет), включил фонарик на минимальную мощность и протянул те-

лефон Драйзу. Толстяк, аккуратно ступая по ступеням, полез под землю, а я обернулся, махнул рукой остальным, приглашая их тоже, и полез следом.

Уже под землей я запоздало сообразил, что не сказал последнему идущему прикрыть за собой крышку лаза. Ну да ладно, чай не совсем тупые, сами догадаются. В любом случае, мне важнее наблюдать спину Драйза и следить, чтобы он не выкинул какого-нибудь фокуса. Да, потолок лаза слишком низкий, чтобы я смог тут орудовать луком — пусть даже прановым, а не материальным, но, если что, я и просто стрелой прекрасно справлюсь. Ткнул сзади между ребрами в сердце, и готово.

Собственно, в этой каменной кишке ничего, кроме как ткнуть стрелой, и сделать-то нельзя было. Драйзу приходилось идти чуть ли не приставными шагами, чтобы хоть как-то продвигаться вперед, я же, даром что вдвоем меньше коменданта, то и дело цеплял плечами стенки коридора.

Когда Драйз говорил, что геоманты «облагородили» подземный ход, он, наверное, шутил. Или он не понимает значение слова «облагородить». Или он имел в виду крышку с фальшивым булыжником.

Во всем остальном лаз не производил впечатления того, что «облагородили». Он вообще не производил впечатления структуры, на которую хоть кто-то обращал внимание. Неровные стены, то и дело цепляющиеся за плечи, извилистая конфигурация, заставляющая думать о натураль-

ных кишках какой-то огромной змеи, волнистый потолок, под которым местами приходилось идти чуть ли не в приседе — все это не создавало впечатление продуманного подземного хода. Это был именно лаз. Причем лаз, который даже природным назвать было трудно, потому что несмотря на все его неудобства, он все же был рассчитан на человека, и, если верить словам Драйза, он куда-то да выводил. А природа не отличается подобным вниманием к людям и их удобствам.

В то же время лаз навевал едва уловимые мысли о геомантах. Два раза в лучах света на стенах сверкнули вскрытые жеоды каких-то полудрагоценных камней, которые словно отбили молотком. А на третий раз я заметил на противоположной стене еще одну жеоду, срез которой по форме практически идеально подходил к своей товарке напротив.

Создавалось ощущение, что когда-то давно сошедший с ума геомант зачем-то разорвал саму здешнюю скальную основу на глубине полутора человеческих ростов, чтобы сформировать этот крысиный лаз. Не считаясь ни с чем, не думая о красоте или функциональности, просто чтобы было. Просто чтобы показать, насколько он крут, раз способен сотворить такую червоточину в камне, скорее всего даже не видя ее при этом.

От подобных мыслей становилось даже немного не по себе, но, судя по всему, я один был такой. Остальные шли как ни в чем не бывало, особо по сторонам не смотрели, а где-то ближе к концу нашего неровного строя даже завели беседу,

как ни в чем ни бывало.

Лаз оказался длинным, и из-за его не самой удобной конфигурации мы шли по нему долго. Настолько долго, что у меня даже начали закрадываться в голову мысли, что мы ходим кругами, но я их тут же отбросил, потому что, каким бы однообразным ни казалось на первый взгляд окружение, на самом деле оно не повторялось. Мы действительно куда-то двигались.

И вскоре это подтвердилось, когда Драйз оглянулся на ходу и ткнул пальцем в потолок, до которого не достал — здесь он был как нигде высоким.

— Вот тут выход в общежитие. — прокомментировал он, светя вверх, в узкий каменный колодец высотой в два человеческих роста, в конце которого виднелся еще один деревянный щит. В стенки колодца были вбиты или вплавлены или просто посажены геомантами мощные стальные скобы, кое-где тронутые ржавчиной — лестница. Здесь о ней позаботились, в отличие от выхода в лесу.

Да, лестница здесь мерзкая. Если вдруг понадобится выходить через этот выход, быстро группа из него не выберется. Это внутрь можно быстро спрыгнуть, хоть и с риском повредить ноги, на что, скорее всего, и был расчет, а вот чтобы быстро выбраться изнутри — это летать надо уметь.

Хм, летать... А ведь мы умеем. По крайней мере, в теории. Так что, может быть, все не так уж и плохо.

— Идем дальше. — велел я.

Минут через пять подземный ход пошел на подъем. Уклон был едва заметным, но очевидным как минимум для меня. Спустя еще пятнадцать минут Драйз остановился второй раз, но на сей раз — уже окончательно. Дальше идти было просто некуда.

На последних своих метрах коридор хода резко расширился в небольшую пещеру — как раз такого размера, чтобы тут мог встать Драйз и мимо него протиснулся я. В дальней стене пещеры, которая здесь была такой же дикой и нетронутой, как и сам лаз, отчетливо виднелась дверь, про которую говорил Драйз. Ничем иным, кроме как дверью, этот плоский кусок стены, очерченный ровным прямоугольником, буквально кричащий о том, что он искусственного происхождения, просто быть не мог.

Драйз обернулся на меня и протянул мне телефон:

— Мы пришли.

Я жестом отказался от телефона, — внутри он мне все равно не понадобится, и подошел к двери, лишенной каких-либо ручек, щелей или чего-то еще, за что можно было бы ухватиться. Абсолютно плоский, будто отполированный, но при этом ничего не отражающий, серый камень так и тянул пощупать его, но, едва я протянул руку, как Драйз ее перехватил. Я перевел на него взгляд, он покачал головой:

— Коснешься камня, стена сразу исчезнет. Кто знает, что нас ждет по ту сторону?

— Твоя правда. — согласился я. — А ее потом возможно

вообще поставить обратно?

— Да, но это может сделать только реадизайнер. И я не знаю, как именно.

— Тогда проблема невелика. Попросишь Нику и Чел, они точно разберутся.

— Без проблем, босс. — совершенно серьезно, без тени улыбки сказал Драйз. — Ты сам-то готов?

— Еще пока нет. Где я окажусь, когда выйду?

— В холодильнике. Это огромное каменное помещение, в котором устроили продуктовый склад. Температура там низкая, так что вряд ли прямо в холодильнике есть враги.

— Выйти из него возможно?

— Конечно. — Драйз удивленно посмотрел на меня. — Кто же сделает холодильник, из которого нельзя выйти? Это же техника безопасности банальная. Нажмешь на зеленую ручку на двери и выходи.

— Этаж первый?

— Первый, точно напротив лестницы. Так что тебе придется пробраться через весь холл.

— Справлюсь. — я махнул рукой.

Главное, чтобы я не влип в неприятности в первый же момент, чтобы у меня была хотя бы минута на то, чтобы оглядеться и продумать план действий. Даже если эта минута будет сопряжена с неприятно-низкой температурой.

— Приготовься, я пошел. — бросил я Драйзу и приложил руку к стене, направив в пальцы по крошечному заряду пра-

ны.

Стена отреагировала живо — она моментально осыпалась невесомой серой пылью, будто развалилась на атомы. В подземный ход резко ворвался морозный воздух и призрачно-синий свет.

— Дежурные лампы. — прокомментировал Драйз, кивая на синие лучики. — Это нормально.

— Отлично, хоть во тьме гулять не буду. — ответил я. — Все, зови девчонок, а я пошел.

И я выскользнул из лаза раньше, чем он повернул голову, чтобы позвать Нику и Чел — не хотелось, чтобы Ника висла у меня на шее и закатывала сцены трогательного прощания.

В холодильнике оказалось даже холоднее, чем я думал — скорее всего, тут вообще был минус. Небольшой, но все же минус. Вокруг прямо с потолка свисали животные туши неизвестного происхождения, и, когда я из интереса ткнул одну из них кончиком ножа, — единственного материального оружия, что взял с собой, — то убедился, что мясо как камень. Здесь действительно был минус.

Лавируя между тушами, я успел сделать около пятнадцати шагов, пока не наткнулся на первое препятствие — стену, в которой в назойливом синем свете виднелась широкая и высокая дверь с мощными резиновыми уплотнителями по периметру и большим замком с яркой пластиковой ручкой. Возможно, даже зеленой.

Помня совет Драйза, я нажал на нее и навалился плечом

на дверь. Она пошла неожиданно легко, будто бы ничего не весила, и я от неожиданности практически вывалился в следующее помещение.

К счастью, в нем тоже никого не было. Потому что это тоже был холодильник. Хотя после предыдущей камеры назвать его «холодильником» было бы кощунственно — после минусовой температуры тут было даже тепло. Наверное, небольшой плюс.

Я быстро огляделся, убедился, что кроме овощей в ящиках, штабелированных вдоль стен, всяческих сыров и прочих продуктов недолго хранения, никто за мной не наблюдает, и быстрым шагом прошел к противоположной двери, украшенной уже знакомой мне ручкой.

На этот раз я не наваливался на дверь всей массой, а открывал ее аккуратно, по миллиметру, прислушиваясь к каждому шороху и выглянув в щель одним глазом, едва только она стала достаточно для этого широка.

Я оказался на кухне академии. Там, откуда брали начало наши завтраки, обеды и ужины. Я увидел несколько огромных плит посередине большого, выложенного кафелем даже не потолке, помещения, несколько разделочных столов по периметру, целый полк холодильников и морозильных камер вдоль одной из стен, шкафы с инструментарием, какие-то непонятные кухонные приспособления...

К счастью, солдат управления здесь не было. Да и действительно — зачем им кухня? Пайки они, скорее всего, привез-

ли с собой, чтобы не задумываться о готовке, так что максимум, что они сделали — обыскали кухню, холодильники, и ушли с нее. Они-то не знали про подземный ход.

Прежде чем ступить на кафель, я еще раз перешнуровал заячьи мокасины, которые сделал для Амины, но ради этой миссии отобрал обратно — мне их великолепное свойство скрадывать звуки шагов благодаря меху снаружи пригодится намного больше, чем ей. Тем более что она все равно носила их мехом внутрь.

Ничего не задев и не издав ни единого звука, я скользнул по кухне и выглянул наружу, в общий холл, благо никаких дверей тут не было — просто прижался к стене и высунул один глаз.

В общем холле солдаты были. Целых трое. Двое спали сидя на стульях, поставив свои винтовки сбоку, третий бодрствовал, но смотрел в окно, стоя спиной ко мне. Он тоже никак не подозревал, что опасность может придти со спины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.